

Глава 16. Весенний ветер у врат Пространства Лоюй

Незаметно пролетело пять месяцев. Раны учителя и ученика полностью затянулись, вернув им прежние силы. Сегодня солнце нещадно палило с небес, но на западе раскинулся густой изумрудный лес, способный укрыть своей тенью от знойного дня. Деревья вымахали исполинские, в пять-шесть обхватов — не меньше. Сун Цимин как раз отдыхал под сенью одного из них, спасаясь от жары. Рядом на небольшом столике стоял освежающий фруктовый чай.

Находившийся рядом Тао Жуй, потягивая напиток, поинтересовался:

— И когда мы наконец покинем Пространство Лоюй? Хотелось бы прогуляться по столице. Полумесяц назад я заглядывал туда: императорская гвардия Цзиньивэй несет службу у городских ворот с особой строгостью, караулы меняются подозрительно часто. Сдается мне, император в Ичэне дышит на ладан.

Сун Цимин, держа в левой руке пиалу с прохладным чаем, ненадолго задумался.

— Коли считаешь, что его дни сочтены, пусть так и будет, — лениво отозвался он. — Но почему ты не поделишься своими подозрениями с Восточным дворцом, а пришел изливать душу мне?

— Полно тебе, дружище, — фыркнул Тао Жуй. — Старейшины ордена без конца твердят, что нам, бессмертным, негоже вмешиваться в мирские дела. Ты действительно держишь меня за дурака? Предлагаешь мне пойти и надомить наследного принца?

— На сей раз правила приличия первыми нарушили люди Пути ордена Тан, — возразил Сун Цимин. — Если Ичэн падет, вина полностью ляжет на их плечи. В таких обстоятельствах нам, бессмертным, как раз и надлежит вмешаться. А ты вместо этого отсиживаешься у меня, попивая чай. Неужто затеять благое дело хочется, да духу не хватает?

Услышав это, Тао Жуй весело рассмеялся:

— Ну ты и язва, Сун Цимин! Прежде твои колкости были обычным делом, но надо же — в первый же день после долгой разлуки ты опять выставляешь меня недоумком. И ведь самое странное, что мне это даже приятно. Не иначе как я со временем стал мазохистом.

— Заметь, ты сам это признал, — хмыкнул Сун Цимин, окинув приятеля лукавым взглядом.

Тао Жуй лишь приподнял бровь, не найдясь с ответом.

В этот момент, прерывая затянувшееся безделье, с той стороны поляны донесся резкий свист. Мощный порыв созданного мечом ветра вспорол землю и начисто срезал несколько вековых деревьев, заставив округу содрогнуться. Черный силуэт, едва различимый, стремительно

промелькнул сквозь хаос ветвей и листвы. Это Шэнь Цзибай, сжимая в руке серебряный клинок, увлеченно сражался среди зеленых зарослей со своими пятью двойниками. Подхваченная ураганом листва кружилась в воздухе, превращаясь под воздействием духовной энергии в мириады бритвенно-острых лезвий, с сухим шелестом вонзавшихся в клонов.

Сун Цимин прищурился от поднявшегося ветра. Небрежным жестом он выставил перед ними миниатюрный защитный барьер, а затем, вспомнив неоконченный разговор, негромко произнес:

— Раз уж ты все равно обретаешься в Ичэне, сходи в Восточный дворец и наведись наследному принцу... Скажи, что канцлер Шэн чист помыслами, а вот госпожа И Сю из императорского гарема явно зарвалась и переходит все границы.

Тао Жуй не на шутку изумился.

— Помилуй, Цимин, ты ведь сам только что твердил, будто бессмертным не пристало соваться в дела смертных! — Он почесал затылок, обдумывая услышанное, и со вздохом добавил: — К тому же, насколько мне известно, этот принц из Восточного дворца с малых лет воспитывался под крылом госпожи И Сю. И ты предлагаешь мне явиться к нему и заявить, что его приемная мать — коварная злодейка? Братец Цимин, ты чего для меня желаешь — чтобы мне голову отсекали или разорвали лошаадьми на части?

Сун Цимин сделал вид, что глубоко задумался, а затем с самым серьезным видом произнес:

— Если честно, я бы с удовольствием взглянул на оба варианта. Какой изысканный выбор!

— Ух, ну и злодей! — в сердцах воскликнул Тао Жуй, принимаясь яростно обмахиваться веером, чтобы унять закипающее негодование. — Братец Цимин, клянусь, если меня казнят или четвертуют, я и на том свете не оставлю тебя в покое — буду тенью за тобой ходить!

— Ого, а вот это действительно жестоко, — рассмеялся Сун Цимин. Он отставил пиалу с чаем, достал из рукава две черные ленты шириной в палец и плотно перевязал обшлага рукавов. Затем поднялся и принялся разминать затекшие плечи.

Заметив это, Тао Жуй усмехнулся:

— Что, решил помериться силами с учеником?

Стоявший у дерева Меч Веления Запада со свистом взлетел в воздух и послушно лег в ладонь Сун Цимина. Тот перевел взгляд на Шэнь Цзибая, который все еще вел ожесточенный бой со своими двойниками в глубине рощи.

— Я не навещал сюда целых три месяца, — заметил Сун Цимин. — Надо признать, Сяо Бай

заметно преуспел в искусстве владения мечом.

— Еще бы! — самодовольно отозвался Тао Жуй. — Я ведь тоже не бездельничал. В свободное время частенько заглядывал к твоему подопечному, дабы разобрать с ним пару-тройку сложных приемов. Так что его успехи — и моя заслуга тоже!

Сун Цимин обернулся и прищурился:

— И вы действительно ограничивались только обсуждением приемов?

— А как же иначе? — Тао Жуй притворно возмутился. — Или ты опасаясь, что я наговорил твоему драгоценному ученику гадостей про его наставника?

Направляясь к лесной поляне, Сун Цимин бросил через плечо:

— Знаешь, если бы ты не злословил за моей спиной, я бы решил, что мир сошел с ума. Так что валяй, мне даже привычнее.

— Да ну тебя, Сун Цимин! — вдогонку ему донесся возмущенный смех Тао Жуя. — За кого ты меня принимаешь!

Впрочем, грешок за Тао Жуюем действительно водился — он не раз пытался перемыть косточки приятелю в беседах с юношей. Произошло это на семнадцатый день после того, как Сун Цимин временно покинул Пространство Лююй. Шэнь Цзибай, строго следуя наставлениям учителя, усердно тренировался на поляне, заучивая мысленные формулы и отрабатывая удары. Тао Жуй, устав от столичной суеты Ичэна, перенес свою духовную проекцию в карманное измерение, надеясь всласть поспорить с Сун Цимином, однако обнаружил лишь его ученика.

Юноша занимался с поразительным рвением. Поначалу Тао Жуй просто парил над ним в воздухе, безумолку изливая душу и жалуясь на жизнь, однако Сяо Бай не удостоил незваного гостя даже взглядом. Лишь когда тренировка подошла к концу, Шэнь Цзибай вежливо поклонился парящему силуэту:

— Бессмертный Тао Жуй, прошу простить мою грубость. Учитель говорил мне, что во время занятий мечом недопустимо отвлекаться на пустые разговоры.

«Истинный упрямец, весь в своего наставника», — подумал тогда Тао Жуй, но вслух лишь добродушно рассмеялся:

— Пустяки, не бери в голову! Я просто выпускал пар, мне и не нужен был собеседник. Напротив, это я должен поблагодарить тебя за терпение — мало кто согласится выслушивать мое ворчание.

— Как можно называть ваши речи ворчанием, уважаемый бессмертный? — искренне отозвался Шэнь Цзибай. — В ваших словах сокрыта мудрость прожитых лет.

— А ты мне нравишься, Цзибай! — воскликнул Тао Жуй. — Не то что твой учитель. Окажись он сейчас на твоём месте, непременно высмеял бы меня и прочитал очередную нотацию.

— Наставник строг лишь на словах, — мягко возразил юноша. — На самом деле он искренне беспокоится о вас.

Тао Жуй на мгновение лишился дара речи от такой преданности. Проследив, как Шэнь Цзибай убирает меч в ножны, собираясь покинуть рощу, он опустилсч чуть ниже и поинтересовался:

— К слову, когда ушел твой учитель и когда он планирует вернуться?

— Он отбыл второго числа, — ответил Сяо Бай. — В письме наставник указал, что вернется примерно через месяц.

Тао Жуй скептически покачал головой:

— Этот пройдоха обожает тянуть время. Боюсь, тебе придется прождать гораздо дольше.

— Что ж, — спокойно произнес Шэнь Цзибай, — значит, я буду ждать столько, сколько потребуется.

Предсказание Тао Жуйа сбылось с избытком: обещанный месяц растянулся на долгие недели ожидания.

Лишь в самый разгар августовского зноя Сун Цимин наконец соизволил явиться в Пространство Лююй. Сяо Бай не стал ни в чем упрекать наставника. Он, как и всегда, заранее прибрал его покои, подготовив все к возвращению. Сун Цимин переступил порог глубокой ночью и без сил рухнул на постель. Шэнь Цзибай заботливо омыл его лицо прохладной водой, укрыл одеялом, погасил светильник и, постояв немного в тишине, бесшумно покинул комнату.

Тем временем на поляне Шэнь Цзибай только что одолел последнего, пятого клона. Заметив приближающегося Сун Цимина с мечом в руке, юноша не стал тратить время на приветствия. С резким металлическим звоном их клинки столкнулись, высекая сноп ярких искр.

Сяо Бай защищался хладнокровно и расчетливо. Противники провели более ста восемнадцати стремительных атак, а солнце тем временем медленно клонилось к закату. Разморенный жарой Тао Жуй под сенью дерева сладко спал, а его духовное тело безмятежно парило в воздухе,

тихонько посапывая.

Шэнь Цзибай взмок до нитки, пот катился с него градом, а пальцы, сжимавшие рукоять клинка, мелко дрожали от предельного напряжения. Собрав последние силы, он резко оттолкнулся левой ногой от земли и, закружив вокруг себя вихрь, бросился в яростную атаку на учителя.

Однако Сун Цимин по-прежнему действовал с безупречной легкостью. Изящным движением уклонившись от выпада, он неуловимым жестом спрятал Меч Веления Запада в ножны и ребром левой ладони мягко нанес удар в шею ученика. Взгляд Сяо Бая затуманился, и он без сил повалился вперед.

Сун Цимин бережно подхватил падающего юношу.

Наступила глубокая ночь. Сонное оцепенение Тао Жуя внезапно рассеялось. Опомнившись и осознав, сколько времени прошло, он в панике вскрикнул и, даже не попрощавшись, мгновенно отозвал свою духовную проекцию.

Сун Цимин взвалил Сяо Бая на спину и не торопясь понес к дому. Он и сам изрядно притомился и мечтал поскорее смыть с себя дорожную пыль и пот. Когда они подошли к дверям, юноша пришел в себя. Осознав, что наставник тащит его на себе, Сяо Бай смутился и поспешил сползти на землю. Но он пошатнулся из-за слабой левой ноги и нелепо повалился на пол, растерянно хлопая глазами.

Сун Цимин не удержался от добродушного смешка:

— Если хотел спуститься, мог бы просто сказать. — Он указал рукой в сторону купальни. — Сяо Бай, ты весь взмок. Ступай-ка омыться, а я пока приготовлю нам что-нибудь перекусить.

Шэнь Цзибай поднялся и с недоверием воззрился на учителя:

— Вы сами приготовите ужин?

До сих пор наставник ни разу не стоял у плиты в его присутствии. К тому же юноша прекрасно помнил предостережения пятой младшей тетушки А-Я, утверждавшей, что кулинарные шедевры Сун Цимина — это сущее испытание для желудка.

— Недавно я заглядывал в орден Цисинь, — самодовольно поведал Сун Цимин. — Твоя тетушка А-Я лично обучила меня паре отличных рецептов. Когда я попытался угостить твоих старших наставников, те внезапно сослались на неотложные дела и ушли в глухое уединение, готовясь к ежегодному турниру... Эх, а ведь А-Я уверяла, что мои блюда способны исцелить любую душевную невзгуду! Тао Жуй обмолвился, что ты в последнее время сам не свой. Наверняка истосковался в этих четырех стенах.

О том, насколько все было запущено в кулинарных изысках учителя, Сяо Баю судить пока не приходилось. По крайней мере, сейчас у него появился отличный шанс проверить слухи на личном опыте.

— Благодарю за заботу, учитель. Я и впрямь проголодался, — почтительно произнес юноша.

Закончив с купанием, Шэнь Цзибай, облаченный в простое темно-синее одеяние, вошел в обеденную залу. На столе красовались пять глиняных тарелок с исходящими паром яствами. Сун Цимин уже сидел во главе стола, неторопливо потягивая вино. Он жестом пригласил ученика присоединиться. Напротив свободного места уже лежали бамбуковые палочки и чистая пиала.

Шэнь Цзибай без лишних церемоний опустился на стул, взял палочки и подцепил кусочек неопознанного блюда. Стоило ему отправить еду в рот, как он поморщился. Вкус оказался невообразимым: приторно-сладкий, перебивающийся резкой остротой и оставляющий после себя тяжелое, маслянистое послевкусие. Сяо Бай, не меняясь в лице, аккуратно, но решительно выплюнул угощение прямо на край стола.

Сун Цимин безмолвно наблюдал за этой картиной. Он догадывался, что кулинар из него никудышный, но не ожидал, что обычно послушный ученик, забыв о приличиях и сыновней почтительности, выплюнет еду прямо у него на глазах.

— Настолько невкусно? — с улыбкой спросил он.

— Честно говоря — редкостная гадость, — чистосердечно признался Шэнь Цзибай, принимаясь спешно заедать послевкусие пресным белым рисом.

Сун Цимин лишь добродушно рассмеялся и осушил пиалу до дна.

— Помнится, когда твой дедушка-наставник заставлял меня взять кого-нибудь в ученики, ко мне толпой ломились кандидаты. Семь юношей безуданно обивали мой порог день и ночь. Тогда я выставил перед ними точно такие же блюда и предложил снять пробу. Все они с трудом проглотили угощение и с вымученными улыбками принялись нахваливать мои кулинарные таланты. В итоге я не принял ни одного из них. А позже мне доложили, что эта пятерка несчастных целые сутки не вылезала из уборной.

Шэнь Цзибай на мгновение замер с палочками в руках:

— Я ведь тоже проглотил немного... Мне стоит готовиться к худшему?

— Кто знает, — загадочно протянул Сун Цимин. Но, видя, что ученик действительно голоден после изнурительной тренировки, он сжалился и достал из мешочка Цянькунь круглый лакированный коробок. — Держи. Это домашняя стряпня твоей тетушки А-Я. Она готовит

отменно, от ее еды твой желудок точно не взбунтуется.

Шэнь Цзибай с благодарностью принял угощение. Сделав несколько глотков чая, он негромко спросил:

— Учитель, вы ведь всегда избегали учеников из-за лишних хлопот. Почему же в итоге ваш выбор пал на меня?

— Хлопоты я и вправду не жалую, — согласился Сун Цимин. — Но между нами есть особая связь. В детстве ты несколько раз встречал меня, просто позабыл об этом из-за малых лет.

— В таком случае, — ровным, лишенным эмоций голосом произнес Шэнь Цзибай, — почему вы изъявили желание взять в ученики еще и Цао Юэпу?

Наступила гробовая тишина. Сун Цимин внезапно почувствовал, как по спине пробежал холодок. Заданный вопрос явно таил угрозу — меньше всего ему сейчас хотелось вызвать ревность или гнев у главного героя этой истории.

<http://bllate.org/book/20145/2149148>